

*Реутов Е.В., канд. социол. наук, доц.,
Реутова М.Н., канд. социол. наук, доц.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Шавырина И.В., канд. социол. наук, доц.
Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В РЕГИОНЕ*

reutovevg@mail.ru

На основании результатов социологического исследования диагностируется уровень принятия населением гражданских инициатив и потенциал гражданского участия. В обществе появляется запрос на преодоление социальной атомизации. Общественный активизм становится нормативно приемлемым для большинства граждан. Люди, как правило, далеки от политизированных форм гражданского участия, но приветствуют гражданские инициативы, направленные на решение местных проблем. Именно в данной сфере наиболее высок потенциал личного участия, который, по данным нашего исследования, составляет около двух третей опрошенных.

Ключевые слова. *Социальное пространство, местное сообщество, солидарность, микропрактики солидарности, гражданское участие, гражданские инициативы.*

В течение длительного времени в российском обществе независимое от государства участие граждан в решении общественно значимых проблем представляло скорее исключение, чем правило. Как правило, общественная активность напрямую инициировалась государством – и в этом случае носила имитационный характер – либо должна была быть санкционирована им – в случае, если действительно формировалась автономным порядком. Доминирование государственных (в противовес общественным) институтов в российском обществе вполне закономерно привело к нейтрализации автономной гражданской активности и всеобъемлющему патернализму. В этих условиях крах дирижистской государственной модели на рубеже 1980-1990-х гг. у большей части населения вызвал шок. Но в то же время оказалось открытым «окно возможностей» для значительной части граждан, попробовавших свои силы как в бизнесе, так и в «третьем секторе».

Восстановление автономного общественно-гражданского участия в постсоветский период протекало, с одной стороны, в условиях самоустранения государства из ряда сфер социальной регуляции, с другой – при довлеющем значении советского опыта во взаимодействии государства и общественных организаций. В результате к 2000-м гг. российское гражданское общество приобрело «гибридный» характер, для которого стало характерно сочетание установки некоторых общественных институтов на абсолютную свободу от вмешательства государства и полностью зависимый и провластный порядок деятельности других.

В том числе и по этой причине был столь полярно воспринят редакция Федерального закона «О некоммерческих организациях» в 2012 г., введившая в законодательное поле понятие

иностранный агент применительно к общественным организациям. Общественные организации, получающие финансирование из-за рубежа, восприняли принятие данного закона как неправомерное посягательство государства на гражданское общество; представители же провластных структур явно обрадовались давлению на конкурентов. Характерным примером последнего является доклад Российского института стратегических исследований (март 2014 г.), в котором ряду российских исследовательских центров, научных организаций и вузов (в том числе, Институту социологии РАН) инкриминировался «сбор социологической, политологической, военной и иной информации, имеющей разведывательную ценность, проведение мониторингов и аналитических исследований в интересах зарубежных заказчиков» [1].

Подписанный Президентом РФ 21 июля 2014 г. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» фактически исключил общественные организации из перечня самостоятельных субъектов общественного контроля. По сравнению с первоначальным проектом Закона, существенно урезанными оказались и права граждан по осуществлению некоторых форм общественного контроля – например, общественного расследования.

Таким образом, общественные организации и гражданские инициативы в целом в российском обществе функционируют в достаточно сложной институциональной среде, а их деятельность (особенно первых) связана не только с реализацией уставных функций, но и постоянным преодолением административных, правовых и финансово-экономических барьеров.

При этом едва ли не большим препятствием для общественных инициатив является доста-

точно неблагоприятный социокультурный фон – убежденность значительного числа граждан в том, что общественные организации – это бесполезный или даже вредный институт, созданный для реализации интересов каких-либо узких групп. По данным опроса Левада-Центра 2010 года, лишь незначительная часть респондентов (13%) считала, что большинство общественных движений и инициатив создано по частному почину самих граждан, снизу, минуя власть или иные политические силы. Остальные были убеждены в том, что это инициатива либо власти (30%), либо оппозиции (22%), либо внешних сил, заинтересованных в определенном развитии России (13%) [2].

Соответственно, далеко не всегда очевидной выглядит и общественная польза от их деятельности. Так, в ходе опроса Левада-Центра (июль 2013 г.) лишь 50% респондентов оценили положительно деятельность некоммерческих организаций (при этом целиком положительно – только 9%) [3]. Разница между двумя этими показателями характеризует, во-первых, низкий уровень включенности граждан в проблематику общественных инициатив и, во-вторых, небольшой общественный резонанс от деятельности некоммерческих организаций. С одной стороны, люди склонны давать не вполне определенные ответы в тех случаях, когда рассуждают о достаточно отвлеченных предметах, с другой – эти мнения отражают невысокую инклюзивность гражданского активизма, его, по большому счету, периферийный характер.

Треть респондентов (34%), опрошенных ВЦИОМ в августе 2014 г., согласны с тем, что общественные организации не нужны, в принципе, а их задачи должно решать государство. Противоположное мнение высказали 41% опрошенных. С тем, что общественные организации создаются для решения отдельных задач, соответствующих интересам их руководителей, согласны 40% респондентов, а не согласны – только 36% [4]. Данное распределение ответов наглядно иллюстрирует амбивалентность, присутствующую общественному мнению россиян относительно общественных организаций и гражданского активизма. Характерно, что большинство респондентов (59%), как ни странно, не смогло назвать ни одной общественной организации или политической партии [4].

Безусловно, в таких средовых условиях общественным организациям и движениям не только сложно рекрутировать потенциальных участников. Сложившийся социокультурный барьер, отсутствие общественной поддержки и признания могут, в принципе, делегитимировать всю их деятельность.

События последних лет показали, насколько подвижно массовое сознание в отношении мобилизации против тех или иных социальных субъектов, в том числе, общественных объединений и их лидеров. При этом общественным инициативам навязывается совершенно излишний политизированный дискурс, логике которого они вынуждены следовать – иногда и против своей воли.

Исследование, проведенное в Белгородской области в рамках проекта «Потенциал общественных организаций в формировании регионального солидарного общества», преследовало цель диагностики социокультурной среды гражданского активизма в регионе – то есть определения характера его восприятия гражданами, а также вовлеченности населения в активистские практики. Полевой этап исследования проходил в июне-июле 2014 г. Объем выборочной совокупности составил 994 респондента. Выборка сбалансирована по полу, возрасту и типу поселения.

Прежде всего, исследование выявило достаточно позитивный фон восприятия результатов деятельности общественных организаций. На вопрос «Как Вы считаете, есть ли в нашей области общественные организации, которые реально способствуют улучшению жизни людей, решению социальных проблем?» 47,31% опрошенных дали положительный ответ. Менее четверти респондентов (21,16%) сказали, что не знают таких, и 31,54% затруднились ответить на данный вопрос (табл. 1). Таким образом, почти половина опрошенных либо посредством личного опыта, либо через своих знакомых и СМИ информирована о деятельности общественных организаций, которые приносят реальную пользу населению региона. Эта доля респондентов заметно больше доли скептиков, считающих, что подобных организаций нет.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, есть ли в нашей области общественные организации, которые реально способствуют улучшению жизни людей, решению социальных проблем?», %

Варианты ответов	% опрошенных
есть	47,31
нет	21,16
затрудняюсь ответить	31,54

К сожалению, нельзя сказать, что активная гражданская позиция приобрела характер модальной или даже нормативной ценности в региональном социуме. Наличие у человека соответствующей ментальности и образа жизни у десятой части (10,76%) респондентов вызывает подозрения. Лишь немногим более половины

(53,98%) отметили уважительное отношение к «общественникам»; остальные же 35,26% респондентов не имеют мнения по этому поводу (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Скажите, как Вы относитесь к тем
людям, которых называют
«общественниками», которые пытаются
как-то организовать других людей, решить
какие-то общие проблемы, собирают
подписи, собрания?», %**

Варианты ответов	% опрошенных
с уважением	53,98
с подозрением	10,76
никогда не задумывался об этом	18,53
затрудняюсь ответить	16,73

При этом, судя по ответам на последующие вопросы, мнения респондентов о людях, проявляющих общественную активность, в большинстве случаев не абстрактно, а имеет под собой основания в виде знакомства с этими людьми. Так, в общей сложности 72,91% опрошенных отметили наличие общественников в своем окружении. Правда, лишь у 14,94% респондентов таких людей в окружении много. Как правило, они немногочисленны, на что указали 57,97% респондентов. Незнакомы с общественными активистами 26,69% опрошенных.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос «Есть ли в
Вашем окружении такие люди?», %**

Варианты ответов	% опрошенных
есть, и достаточно много	14,94
есть, но мало	57,97
нет	26,69
затрудняюсь ответить	0,40

Наличие в ближайшем и опосредованном окружении позитивных примеров гражданского активизма в значительной мере обуславливает декларируемую готовность респондентов самим включиться в данные практики. Естественно, декларируемая готовность не ведет автоматически к переходу к конкретным действиям. Прежде всего, помимо преодоления социокультурного барьера – привычки к атомизированному образу жизни, необходим комплекс причин, связанных, прежде всего, с нарушением привычного образа жизни, конфигурации сложившихся отношений с внешней средой. Почти для трети респондентов (29,08%) – это нарушение их прав. В этом случае они могли бы изменить привычный образ жизни и включиться в активистские практики. Нарушение прав окружающих может быть стимулом уже для меньшего числа респон-

дентов – 13,15%. Однако уровень декларируемого альтруизма, в целом, довольно высок, поскольку еще 30,48% опрошенных готовы включиться в общественные инициативы, «если бы нужно было добиться решения какой-то общественной проблемы». Только 15,14% респондентов указали на невозможность стать «общественником» в принципе - вне зависимости от какой-либо ситуации. И еще 13,55% затруднились с ответом (табл. 4). Таким образом, около 70% населения являются резервом для общественных организаций и движений.

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос «Могли бы
Вы сами стать таким «общественником»?
Если «да», то в какой ситуации?», %**

Варианты ответов	% опрошенных
Не мог бы ни в какой ситуации	15,14
Мог бы в случае нарушения моих прав	29,08
Мог бы в случае нарушения прав окружающих	13,15
Мог бы, если бы нужно было добиться решения какой-то общественной проблемы	30,48
Другое	0,40
Затрудняюсь ответить	13,55

Аналогичным образом тенденцию к росту бескорыстных, альтруистических мотивов общественного участия зафиксировало исследование Института социологии РАН (2014 г.). И это – принципиальное изменение ситуации, «поскольку еще совсем недавно политическое и общественное участие, если оно не сулило каких-то прямых материальных или карьерных выгод, рассматривалось значительной частью населения, включая активистское, «продвинутое» меньшинство, как деятельность сугубо маргинальная» [5].

Возможность своего включения в работу какой-либо общественной организации на постоянной и безвозмездной основе отмечают 46,02% респондентов - при 28,69% исключаящих этот факт. 25,30% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос. Тем не менее, тот факт, что практически половина опрошенных рассматривает себя в качестве потенциальных участников общественных объединений, говорит уже не только о возможности их мобилизации на «разовые» гражданские инициативы, но и об установке на институционализированное гражданское участие – постоянного либо возобновляющегося характера.

Спектр деятельности общественных организаций, в которых респонденты могли бы и хотели бы работать, достаточно широк. Лидирующие позиции занимают организации и об-

щества защиты прав и интересов населения, в том числе в сфере самоуправления (14,74%), общества взаимопомощи и помощи слабым (12,55%), ветеранские организации (11,75%). Следующими по значимости для респондентов являются досуговые и спортивные организации (9,76%), а также культурные и просветительские организации (8,37%), объединения профессионалов и профсоюзы (4,58%). На наш взгляд, представленная иерархия типов общественных организаций, в участии в которых заинтересованы граждане, напрямую соответствует запросам и интересам населения в решении наиболее актуальных для него проблем.

Таким образом, на основании комплекса социологических данных регионального и общероссийского уровня можно констатировать, что, при всей сложности восприятия населением институтов гражданского общества, общественный активизм становится нормативно приемлемым для большинства граждан. Безусловно, необходимо иметь в виду, что люди, как правило, далеки от политизированных форм гражданского участия и приветствуют, прежде всего, гражданские инициативы, направленные на решение «низовых» проблем. Именно в данной сфере наиболее высок потенциал личного участия, который, по данным нашего исследования, составляет около двух третей опрошенных. В значительной мере, этот потенциал является «спящим». Актуализировать его могут осознание людьми проблемности собственной жизненной ситуации, неудовлетворенность состоянием социальной среды в сочетании с увеличением в регионе «критической массы» общественных

организаций и движений, реализующих общественный запрос на решение «малых» дел.

**Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области. Грант «Потенциал общественных организаций в формировании регионального солидарного общества» № 14-13-31008 (рук. – Е.В. Реутов).*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Российские исследовательские центры и ВУЗы: зарубежное финансирование и влияние на политику [Электронный ресурс]. URL: http://www.riss.ru/analitika/2797#.VARPhsV_t8I (дата обращения: 31.08.2014).
2. Как Вы считаете, большинство общественных движений, инициатив в современном российском обществе возникает... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/archive/partii-obshchestvennye-organizatsii/kak-vy-schitaete-bolshinstvo-obshchestvennykh-dvizheni> (дата обращения: 31.08.2014).
3. Отношение к НКО [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/11-07-2013/otnoshenie-k-nko> (дата обращения: 31.08.2014).
4. Нужны ли нашему обществу общественные организации? [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=114932> (дата обращения: 31.08.2014).
5. Петухов В.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. №9. С. 11-19.

Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V.

PROBLEMS AND PROSPECTS IN THE PUBLIC PARTICIPATION

Based on the results of sociological research diagnosed the level of acceptance of the public civic initiatives and capacity of civic participation. In the society emerges enquiry to overcoming of social atomization. Social activism becomes regulatory acceptable to the majority of citizens. People, as a rule, far from politicized forms of civil participation, but welcome civil initiatives directed to the decision of local problems. Exactly in given domain the potential of personal participation is the most high which, according to data of our research, accounts for about two thirds of interrogated.

Key words. Social space, local community, solidarity, micropractices of solidarity, mutual aid, self-organising, civic participation, civic initiatives.